

КАРЛ-МАРКС-ШТАДТ

ГАЛИНА НАЛИННИНА
Родилась и живет в Москве.
Окончила РГГУ. В настоящее
время редактор журнала
«Дегуста.ру», эксперт
редакционного совета
журнала «Новый Свет»
и обозреватель российских

академических журналов
на Pechorin.net.
Член жюри Международной
литературной премии
«ДИАС-2021» имени
Д. Валева (Татарстан)
и V Международной премии
«Волга-Перисноп — 2021».

Лауреат международных
литературных конкурсов,
в том числе имени Бунина,
имени Катаева, «Русский
Гофман» и «Волошинский
сентябрь» («Нритина»), номинант премии имени Эрнеста Хемингуэя (2021).

*Ты сегодня мне принес
Не букет из пышных роз,
Не тюльпаны и не лилии...*
Из песенки

Ныне Москва поблекшая, унылая и бесцветная. Слякотная. Торопливыми ботинками снег сбивается в масло и отсекается водой. До Рождества один день. Все ждут свежего снега, а его недели две как нет.

Нашу почту – одноэтажный домик послевоенной постройки – возводили, говорят, пленные немцы. Притулился домишко на окраине мира: приписаны мы к столице, а фактически находимся за городской чертой. Перед нами живая лава мегаполиса, за нами Лосинный остров пешком переходит в долгие леса – сперва Мытищинские, потом Посадские. И лоси тут вправду водятся.

Закрепленный за пятью точками водитель Паныч – на самом деле Ян Иваныч, из поляков, – видел три Рождества назад лосиху с лосенком. Заглядывали в окна под утро. Лосиха, может, и залегла бы в лежку, а этот херувимчик гнал ее за едой. Ох, и шуму они тогда наделали в нашем тупичке, прежде чем убралась восвояси.

Сегодня рабочий день, но мы словно отдыхаем. Посетителей нет. Все готовятся к Рождеству, и почтовый бум наконец-то схлынул. Он начался за три недели до Нового года и почти иссяк пару

дней назад. Хотя прилетают еще письма Деду Морозу, и таким припозднившимся – особое внимание от нас, почтарей. Сейчас у нас топится печь, дым из кирпичной трубы стелется вкось по крыше. Снаружи почта – словно пряничный домик, потому что два оператора – Луиза и Алексанна Алексевна – разукрасили ее мишурой, гирляндами, искусственными елками где-то в конце ноября. Луиза – старинный работник, она на этой почте начинала карьеру еще в девушках. Кажется, помнит тех самых пленных немцев. Луиза от почтальона дошла до начальницы. Но даже ее опыт не выдержал конкуренции с новейшими почтовыми технологиями. Луиза вынуждена была пойти на понижение, чтобы только не оставаться в одиночестве дома. Так сложилось: не завела ни мужа, ни дитя – жизнь без реверса. Алексанна Алексевна с нами чуть меньше трех лет, она самый молодой сотрудник коллектива, но самый подкованный: любую новую программу осваивает в два счета. И мы вместо радости печалимся грядущему ее окончанию института. Зачем дипломированному психологу работать на почте? Уйдет, ох, уйдет.

Меня занесло на службу в почтовое отделение одно веское семейное обстоятельство, а то бы ни за что. Я три с лишним года назад стала называться пенсионеркой по возрасту. Могла бы, казалось, выйти на заслуженный отдых после трудовой деятельности повышенной вредности – двадцать лет

отдала средней школе. Но единственная дочь посчитала, что мне станет скучно и некуда себя девать на пенсии, потому внезапно решила одарить меня внуком. Тут мои планы «поездить по миру» рухнули в одночасье. У дочери родились девочки-двойняшки, каждая по два пятьсот – вот и веское мое обстоятельство. Появление прекрасных внучек, которым теперь уже почти по три года, вынудило искать доход. Так я оказалась в начальниках почтового отделения на самом краю мира; перед нами мигающий праздничным неоновым мегаполисом, позади – оснеженный Лосиный остров с дикими зверями.

Неподалеку пролегла ветка железной дороги. Когда запираешь на ночь почту, видишь под крышей одинокую звездочку сигнализации и слышишь над головой, в верхах, насадный рев семафора, всхлипы поездов дальнего следования, не постижимым образом ощущаешь себя ближе к таинствам Рождества. Кажется, вертеп был вовсе не в южной стране, а где-то здесь, поблизости, в лесных сугробах Лосинки, в чащобе, куда под светом Верхней звезды сходились волхвы, люди и звери, лоси, кабаны, лисицы. Стонущие паровозные гудки сообщают расстояние не только между станцией и почтой, но и между миром, Временем и тобой.

Утром ощущение сказочности и волшебства наконец растворяется. Двухнедельной давности серое месиво расшвыривается торопливыми сапогами. Блекнет звезда сигнализации под крышей. Молчит остывшая за ночь кирпичная труба. С утра Паныч растапливает соляной печью и отправляется на ржавом «каблучке» по маршруту, заезжает в центральное отделение и после «обмена почтой» развозит объем по точкам, к вечеру непременно возвращаясь к нам. Не то чтобы мы ему так симпатичны, а просто живет рядом. Помещение наше нагревается быстро, жар печи дразнит другие запахи. На почте, говорят, испокон веков так было: терпко в нос бил расплавленный сургуч, щекотал носоглотку столлярный клей, деликатно пахла плотная почтовая бумага. Сейчас их не то чтобы в помине не было, но сильно сократилось применение. И все же на почте живет особый почтовый дух, обостряющий грезы о путешествиях. То конверт с маркой Ботсваны, то бандероль из Сеула или Ухани, то посылка из Сванетии обостряют твой приключенческий азарт и разжигают тягу к странствиям.

Сейчас мы, трое почтарей, вяло ходим от окна к окну, придумывая себе занятия и ожидая Паныча с остатками новогодней корреспонденции из международного узла связи. Уже готовы салат «Оливье», «Мимоза», и охлаждается в авоське за карнизом

бутылка «Абрау Дюрсо». Луиза не хочет торопить события, одиночество дома – слишком мрачная перспектива под праздник. Алексанна Алексевна, напротив, не может дожидаться часа, когда мы запрем наш «пряничный домик» на железный засов с навесным замком и повесим объявление про три выходных. Я же с некоторым трепетом ожидаю приезда «каблучка». Мне под Рождество вот уже третий год подряд приходит письмо с открыткой и бандероль из Хемница. Обычно заранее, даже до Нового года. На этот раз открытка задержалась, и нынешний день – последняя возможность традиции устоять в пошатнувшемся мире.

Хемницкие весточки я получаю с тех пор, когда особый почтовый дух выразнил из моей памяти факт настолько давний и прочно забытый, что для его воскрешения понадобилось сойтись несколькими ощущениями разом. Сказочно-волшебная атмосфера предновогодней суеты, отсылающая ко дням детства, зимний почтовый аврал и вдобавок к авралу подзуживающее раздражение вдруг разбудили во мне неясное воспоминание. Раздражение вызывало мурлыканье одной незамысловатой мелодии под крючковатым носом Луизы.

Тогда, три года назад, мы еле-еле поднимали головы от вороха корреспонденции, от бумажной прорвы, валившей на нас с гораздо большей силой, чем снега над суетливо-деловитой зимней Москвою. Хор предпраздничных поздравлений разбавляли редкие претензии клиентов. Входная дверь то и дело стучала и лязгала засовом, выстужая тепло. Мысли о доводчике, о клейких лентах вместо бобин суровой нитки, о самоклеящихся конвертах вместо не вовремя застывающего сургуча перебивала дурацкая мелодия Луизы. Я не понимала, отчего та мелодия мне досаждала. Сперва мы между делом перекидывались насмешливыми взглядами с Алексанной Алексевной, но потом она вынужденно вступила в спор с педантичным клиентом, которого я тут же пожалела: он не знал привычки хорошенькой почтовой феи учить уму-разуму зануд. И я осталась в своей досаде один на один с перевирающей ноты Луизой, пока все ж таки не решилась, невзирая на очередь и не видя поющего седого пучка, задать вопрос.

– Что это, Луиза?

В ответ из-за стеллажа показалось пол-лица в золотой оправе, будто Луиза надела пенсне.

– Да, босс?

– Что ты там вымучиваешь?

– Это же «Ландыши»... В годы моей молодости популярная песня была. Знаете?

- Твоей молодости я точно не знаю.
- А можно там побыстрее? Очередь собрали...
Из десятка терпеливых непременно найдется один не наученный уважать чужой труд.

- Перейдите ко мне!

Алексанна Алексевна, избавившись от зануды, принялась за выскочку-торопыжку.

- «Ландыши, ландыши – светлого мая привет...» Неужели вы не помните, босс?
- Вроде бы припоминаю.

Я знала ту песенку, но беспокойство не оставляло меня. И только когда Луиза произнесла следующее слово, только тогда все встало на свои места.

- Это же «Карл-Маркс-Штадт».

Да, я припомнила ту историю. Разные варианты: немецкий и русский. Да-да, слухи о спорных авторских правах. Но меня-то мучила иная подоплека. И вот теперь эта песенка всколыхнула факт, прочно запрятанный моей памятью.

В пресловутые *времена застоя* приветствовалась переписка между советской пионерией и школьниками разных стран. Мы, «немцы» пятого «Б», в отличие от «англичан» пятого «А», переписывались с детьми из ГДР. Я наизусть знала адрес: Wolgograder Allee, 8a, Karl-Marx-Stadt. Моей корреспонденткой была Berta Gauss.

«Hallo, mein Name ist Berta».

«In welcher Klasse lernst du?»

«Ich studiere in der fünften Klasse» .

«Ich wohne in Moskau».

«Und ich wohne in Karl-Marx-Stadt».

Даже когда школьная кампания прошла и учительница немецкого перестала просить нас приносить письма в класс, даже тогда мы продолжали дружить с Бертой.

«Только бы не было войны!»

«Nur wenn es keinen Krieg gäbe!»

Письма регулярно, раз в месяц, летели из Москвы в Карл-Маркс-Штадт и обратно. Переписывались мы несколько лет, пока, кажется, в восьмом, не сменились интересы и прежняя дружба не сошла на нет. Теперь даже не вспомнить, чье письмо осталось неответченным.

И вот три года назад, под Рождество, «Ландыши» Луизы всколыхнули во мне забытые, но приятные воспоминания. Вечером после смены я написала письмо по старому адресу: Frau B. Gauss, Wolgograder Allee, 8a, 09001-09247 Karl-Marx-Stadt, Deutschland.

Сперва мы бурно обсуждали этот факт, дойдет ли письмо или вернется недоставленным. Паныч ухмылялся в пилсудские усы и откровенно не верил,

Луиза сомневалась, а Алексанна Алексевна горела идеей больше моего. Потом мы забыли о той авантюре. Прошло месяца три, и в один прозрачный весенний день компания почтарей ждала меня из главка с оглушительной новостью – пришел ответ от фрау Берты.

Из письма я поняла, что теперь она не Берта Гаусс, а Берта Дейс. И живет не в Карл-Маркс-Штадте, а в Хемнице, никуда не переезжая. Просто ее городу возвращено историческое название. Наша переписка возобновилась, стала бойкой и регулярной. Берта аккуратно раз в месяц присылала мне фотографии с видами городского района Kasberg, где сохранились еще здания в стиле эпохи грюндерства. Она немножко хвасталась своим мужем Юргеном, бывшим управляющим машиностроительной фабрикой, а позже преподавателем в хемницком техническом университете, поэтому в письма каждый раз вкладывалось фото Берты и Юргена на набережной реки Кемниц, у городского зоопарка, у музея Альбрехта. Оказалось, этот молодой человек завоевал внимание юной Берты тем, что неизменно, вне зависимости от времени года, дарил ей ландыши.

«Не красные розы положил я тебе в постель».

Они встретились еще в ГДР, а прожили всю жизнь в ФРГ.

Их взрослый сын обосновался в Швейцарии, в Берне. Их дача – Sommerhaus – в Италии, в деревушке долины Val d'Orcia, недалеко от городка Сиена. Берта звала в гости в Германию или на итальянскую дачу. Я благодарила за гостеприимство, соглашалась, непременно, непременно, и знала, что не приеду никогда. Ни в Валь-д'Орча, ни в Хемниц. Никогда. Что я могу себе позволить на свою пенсию и крошечную зарплату? Все мое время, как и деньги, уходят на помощь дочери. Воспитывать нынче детей, тем более двойнят, трудновато. Но я намеренно не огорчала Берту и Юргена. Да и мой внутренний дух странника не почил еще; он точил шипы скандинавских палок.

Оказалось, что Берта вспоминала о нашей детской дружбе и внезапности прекращения переписки, но со временем не сумела отыскать писем и восстановить адрес. С тех пор слишком много всего произошло с нашими странами и городами. Жизнь произошла. Теперь Берта редко видит своих внуков-подростков – не сложились отношения с невесткой. Теперь Берта не работает, хотя не так давно служила в краеведческом музее замка Шлоссберг, а прежде – на городском почтамте. И она на почте, только представить себе! Однако у нее на-

верняка жалование не чета моему. Раз в месяц Берта подробно рассказывала, как течет их с Юргеном жизнь, и ландшафт за ее окном менялся в зависимости от передвижений на их «фольксвагене».

Как я поняла, и в Хемнице, и в Валь-д'Орча у Дейсов имелись примерно одинаковые дома, разве что садики при них разнились. Там и там дома были в шесть комнат: столовая, кабинет, две спальни, гостевая, библиотека. Садик в Хемнице в три сотки, где умещаются цветочные клумбы в виде альпийских горок, вишневые деревья и скамья под орешником. Тогда как на даче Дейсов разбит сад на площади в дюжину соток. И он настолько грандиозен, что его красотой восхищаются случайные прохожие и подолгу любят соседи. Здесь высажены всевозможные фруктовые деревья; кстати, только из писем я узнала, что каштан и грецкий орех тоже фруктовые деревья. Дейсы брали дачу в основном для внуков, но, подрастая, те перестали приезжать. Однако старикам жаль оставлять возделанную землю. С возрастом появилось время, правда, убавились силы. Садам в основном занимался Юрген. Берта вела домашнее хозяйство. Муж не знал бытовых забот, не знал, что такое ездить за продуктами, не интересовался итальянской кухней, предпочитал национальные блюда. Тогда как Берта любила и французские бриоши, и итальянские соффионы, причем мастерски готовила их сама.

Предыдущим Рождеством Берта рассказала о своих соседях в Валь-д'Орча, где Дейсы проводили все больше времени в году. Справа от них жили итальянцы, а слева – семья русских. И те и другие оказались необыкновенно доброжелательны и открыты, одним словом, с соседями повезло, чего не скажешь о соседях-немцах; не со всеми соотечественниками находилось взаимопонимание, тем более в наступившую странную пору – разделяющую, в пору изоляции и пандемии.

Мы всем миром теперь живем в эпоху возведения и разрушения храмов. Храмы внешние возводят на тех местах, где прежде срыли их с земли, взорвали или просто пагубно дали разрушиться. Разрушают же внутренние храмы, не веря в добро, не сопротивляясь злу. Необъяснимое противоречие.

Берту тянуло к семье русских. И хотя у тех росли три девочки, все же русские дети напоминали ей о временах, когда ее мальчики-«швейцарцы» были такими же купидонами. Берта с подробностями перечисляла все подарки для соседских детей и с упоением рассказывала, как упаковывала каждый. Юрген не ходил на детскую елку, но безропотно вносил эту статью в расходы семейного бюджета

и охотно финансировал «русское Рождество». Одним из поводов лишний раз зайти к русским теперь служили мои письма Берте. И хотя переписывались мы на немецком, с помощью электронного переводчика, что-то я все-таки писала по-русски, и тогда Берте требовался «живой» перевод.

«Ich freue mich über unsere Freundschaft».

«Я думала, только у русских есть дача».

«Komme im Sommer zu mir».

«Да нет, не знаю, посмотрим, как же достала эта пандемия».

В начале лета пришло письмо с невероятными новостями – швейцарская невестка предложила воссоединиться и жить со стариками в одном городе. Городом примирения оговорен Хемниц. Но чтобы туда попасть и встретиться с родными, придется по нынешним законам отсидеть две недели в изоляции, на домашнем карантине. Знать, что твои дети, которых ты не видел несколько лет, находятся совсем рядом, но ты не можешь их немедленно обнять из-за условностей, невыносимо. Берта возмущалась и проклинала пресловутый немецкий орднунг, который не давал ей перейти совершенно пустой перекресток, пока не зажжется зеленый свет, орднунг, который не позволял взбрыкивать и не подчиняться даже узаконенным глупостям.

Осенью пришло печальное письмо.

Оно не походило на прежние письма Берты, было скомкано по нижнему краю, куда съехал прежде четкий саксонский почерк. А финальные фразы приписаны незнакомым мужским почерком. В конце страницы Юрген писал, что у Берты пошатнулось здоровье. И даже очень хорошо, что они перебрались в зиму домой в Германию, преодолели все препоны в виде анализов, документов, вакцин. Здесь, в Хемнице, у них имеется домашний доктор. Herr Koch вел их семью уже около двадцати лет, грамотно диагностируя и консультируя их с Бертой, чем не раз помогал исцелению. Безусловно, я тогда забеспокоилась, но особо не придавала значения недомоганию, им бы наши проблемы.

Но в конце ноября мне пришло письмо, полностью написанное рукой ее супруга. И тут уже в пору не просто забеспокоиться, а угадать развязку. Юрген писал, что, окончательно перебравшись в Германию, они были в шаге от счастья: сын и внуки поселятся в Хемнице неподалеку от дома Дейсов. Многолетняя мечта наконец осуществится: произойдет воссоединение семьи. Теперь бы только и жить, зимами в Deutschland, а летом вывозить мальчиков в Италию. Но страшное происходит с Бертой. У нее прогрессирует слабоумие. Она уходит от него.

Все началось после переезда в Хемниц, как раз когда подоспело очередное известие из Швейцарии, и оно не обрадовало Дейсов. Сын сообщал, что препоны на границах не способствуют воссоединению, что существование внутри пандемии осложнило их жизнь и переезд в настоящее время неуместен. Проще выживать в одиночку.

Юрген в резком изменении планов упрекал вздорную невестку, а сына винил в малодушии. Берта замолчала, ушла в себя. Она слишком много ставила на эту встречу, слишком долго ждала прекращения бойкота. И когда ей в руки вложили добрую весть, а потом тут же ее отняли, эти руки стали все ронять, терять, мерзнуть.

Доктор Koch после полного обследования пациентки в своей клинике вынес вердикт: изменения необратимы. Юрген предположил причиной внезапной болезни некую вакцину, введенную Берте для получения аусвайса на беспрепятственное пересечение нескольких границ. Доктор Koch скептически отнесся к подобному предположению и утверждал, что всякое серьезное заболевание начинается за долго до явного проявления его симптомов. Юрген аргументировал: триггером стала прививка. Доктор пикировал, призывая в помощь генетику. Споры ни к чему не приводили.

Дейсы давно желали возвращения. Да, Берта вернулась домой. К себе. Это побег. Через границы.

*Карл-Маркс-Штадт, Карл-Маркс-Штадт,
Ты город красных цветов.
Карл-Маркс-Штадт, Карл-Маркс-Штадт,
Но я люблю только белые.*

В письмах Юрген сетовал на то, что теперь ему приходится осваивать русский язык, отвечать на весточки из России и самому отправлять соседским детям в Италию поздравительные открытки и бандероли на русское Рождество. Он не хотел нарушать традиции, а Берта, к сожалению, теперь не в состоянии выбрать и упаковать подарки. Юрген много на что сетовал. Ему приходится самому ездить за продуктами в супермаркет. Когда все только начиналось, он не верил в серьезность и необратимость происходящего. Временами он думал, Берта разыгрывает его. Когда наступало время обеда, он просил ее сварить суп, но Берта спрашивала: «Что такое варить?» Пятьдесят лет варила, а теперь забыла, как это делается?! Юрген принялся осваивать кулинарную энциклопедию. А, справившись с первым блюдом, довольный собой, в переднике жены и с фарфоровой супницей в руках шел в столовую, где заставал в слезах Берту. Та встревоженно смо-

трела на него и просила немедленно позвонить ее мужу в Карл-Маркс-Штадт. Юрген успокаивал ее, объясняя, что они и сейчас в Хемнице, а он ее муж. Берта отстранялась, плакала и снова умоляла позвонить мужу. Юрген делал вид, что звонит, но муж не отвечал.

Когда странное состояние, затмевающее сознание, внезапно исчезало, они вместе смеялись над тем, что Берта разучилась готовить. Берта бралась за выпечку, за любимые бриоши и соффионы. Выпечка выходила идеально, словно в опровержение мора. Весело обсуждали список сюрпризов к празднику. И верили: несмотря ни на что, это Рождество встретят со своими мальчиками, ради того столько преодолено. Смогут переубедить, и тогда наладится их жизнь, несмотря на разлаженность жизни вокруг. Разъединение чужого пирога, возможно, скрепит их немецкий семейный пирог.

Берта, не выказывая разочарования, поддерживала Юргена в упрямых надеждах, и ему казалось, болезнь отступила. Но когда сын перестал отвечать, нечем стало утешаться.

Однажды Берта вдруг спросила: «На сколько человек накрывать стол в Рождество?»

Юрген недоумевал:

- На двоих, Берта, если мы станем отмечать вдвоем.
- Ты уверен, Юрген?
- Или на шестерых, если наши дети согласятся отмечать с нами.
- Я спрашиваю, на сколько человек, Юрген?
- На двоих, Берта.
- А как же все они? Вот эти другие... Они что же, останутся голодными в рождественский вечер?

*Никакой резкости в цветке,
Нам нравится его запах,
Он приносит нам сейчас очарование весны.
Как будто белая песня звенит,
Как твое первое обручальное кольцо,
Как будто твоя первая любовь – думаю я.*

Сейчас мы трое вяло ходим от окна к окну, высматривая запаздывающий снегопад и Паныча с «обменом». Луиза отгоняет Алексанну Алексевну от салатов. На столе уже согревается охлажденное «Абрау Дюрсо». Луиза не хочет торопить события, одиночество дома – слишком мрачная перспектива под праздник. Алексанна Алексевна, напротив, не может дожидаться часа, когда мы запрем нашу почту на железный засов с навесным замком и повесим объявление про три выходных дня. Я же с особым нетерпением ожидаю приезда «каблучка». Мне се-

годня непременно должно прийти письмо из Хемница. На этот раз оно необъяснимо задержалось – как и снег, и нынешний день есть последняя возможность получить нечаянную радость в ночь под Рождество.

Нужно прервать затянувшееся бесснежье.

Паныч появляется незамеченным – прокараулили; пилсудские усы его сникли, взгляд суетлив. Устал. Пробки. По Москве невозможно ездить зимой. Дверь мягко затворяется доводчиком, сохраняя тепло. Позвякивает посуда, девочки расставляют приборы, пока я спешно выворачиваю всю корреспонденцию на большой стол. Минск, Пхеньян, Батуми, Владикавказ, Сопот, Юрмала, Пекин, Ухань, снова Минск.

Нету Хемница, Хемница нет.

Ноги становятся вялыми, я опускаюсь на табурет. Скажи мне сейчас поднять руки, я выше плеч не подниму – свинцовые. Будто подступило губельное. Тень, страшная тень будто надвинулась на всех нас. Тень будущего. Того, которое либо навалится, либо светом ослепит. Что скажут завтра? Гибель? Зараза? Нет краю пандемии, нет конца. Или завтра, вот прямо-таки завтра исцеление и больше ни слова о вирусе. И дальше свет, только свет. Если не еще большая тьма. Тьма необратимая, неотменимая тьма.

«Nur wenn es keinen Krieg gäbe!»

Хотелось сказать. Или сказалось. Или только прошепталось.

– Вы разливайте там без меня.

Но звонкий голос, совершенно детский счастливый крик Александры Алексевны – «Снег, снег!» – заставляет меня подняться с табурета и плестись за всеми к окну.

Мы вчетвером, как никогда не выдавшие русского снега, облепляем одно окно и, сталкиваясь лбами, из-под рук друг друга таращимся в черное стекло. А там, зная свой черед, вопреки всему неостановимо кружатся в идеальном хаосе белые цветки бессмертия. Чисто. Чисто. Снег идет.

